

Глава 3. Всё заново?

Снова открыв глаза, Чэнь Фэнъин не почувствовал привычной боли в щеке. Он огляделся: обстановка была чужой, ничего похожего на его собственную квартиру.

«Неужели Сяо Сун меня похитил?»

На выключенном экране телевизора напротив отразилось незнакомое лицо. Резкий, удушливый запах, зависший в комнате, прозрачно намекал: расслаживаться и размышлять некогда. Повинуясь мышечной памяти этого тела, он быстрым шагом направился на кухню, перекрыл вентиль плиты и настежь распахнул окно.

Лишь когда сквозняк выдул ядовитый угар, Чэнь Фэнъин вернулся в комнату и опустился на диван, на котором только что пришёл в себя. В его голове теснились чужие, совершенно незнакомые воспоминания.

Прежнего хозяина тела звали Линь Ин. Он недавно окончил киноакадемию города В. Юноша принадлежал к той редкой категории выпускников, которых держали исключительно за красивое лицо. Линь Ин страстно грезил о славе, но из-за посредственных успехов в учёбе ни одно агентство не захотело подписать с ним контракт. Ему приходилось перебиваться случайными заработками в киностудии — играть роли, где отродясь не требовалось актёрского мастерства. Многие режиссёры западали на его внешность, но стоило ему войти в кадр, как съёмки со вздохом останавливали: парень не умел играть совершенно.

Не желая всю жизнь прозябать в массовке, Линь Ин попытал удачу на открытом кастинге нового шоу. И — о чудо! — благодаря блестящим теоретическим знаниям сумел пробиться в отборочный тур. Однако прямо перед началом соревнований он столкнулся с однокурсниками. Узнав, что те уже получают крохотные эпизодические роли с репликами, Линь Ин пал духом. Вдобавок бывшие приятели подняли его на смех. Уверовав в то, что на шоу его ждёт лишь позорный вылет, раздавленный парень вернулся в свою съёмную конуру, открыл конфорки и свёл счёты с жизнью.

И именно в этот момент в его теле очнулся Чэнь Фэнъин.

Чэнь Фэнъин включил телевизор, нашёл каналы светской хроники и просидел перед экраном до самого вечера, жадно впитывая новости. Все передачи в один голос твердили об одном: великий Киноимператор Чэнь Фэнъин погиб при взрыве бытового газа. Согласно выводам следствия, основной версией считалось самоубийство.

Судя по датам в титрах, с момента трагедии прошло уже двое суток.

«Надо же, меня хоронят второй день, а шумиха всё не утихает, — горько усмехнулся он про себя. — Пожалуй, это и есть настоящая популярность».

Зайдя в Weibo с аккаунта Линь Иня, он обнаружил в трендах официальное заявление агентства «Звёздное восхищение» — его собственной компании. Руководство приносило публичные извинения за «недостаточную проверку личных качеств сотрудников, повлекшую за собой тяжёлые последствия». Покойного Чэнь Фэнъина теперь вовсю поливали грязью, выставляя лицемерным мерзавцем, чья безупречная репутация была лишь дешёвой ширмой.

К счастью, нашлись и те, кто попытался защитить его доброе имя, хотя любителей станцевать на костях оказалось куда больше. Особенно отличился Лу Кэ. Его пост в соцсетях прямо-таки дышал фальшивым великодушием:

«Жизнь так быстротечна... Всего за полмесяца всё перевернулось с ног на голову. Брат Чэнь ушёл от нас. Каким бы он ни был при жизни, я лишь надеюсь, что теперь его душа обретёт покой».

Подтекст улавливался без труда: «не судите покойника строго». Разумеется, публика тут же разразилась восторгами, превознося Лу Кэ за благородство и верность дружбе. А ведь в индустрии каждый знал: Лу Кэ с самого дебюта ходил хвостиком за Чэнь Фэнъином. Тот, будучи тогда ещё скромным актёром второго эшелона, делился с ним последним и буквально за уши вытаскивал из неизвестности, превратив в перспективную звезду. Любой артист скажет, каких колоссальных трудов стоит продвижение коллеги, но теперь эта некогда трогательная история преданности выворачивалась наизнанку.

Поползли грязные слухи, будто Фэнъин держал Лу Кэ при себе исключительно в качестве невзрачного фона. В сеть хлынули старые фотографии с совместных кастингов. В тех редких случаях, когда они пробовались на одну и ту же роль, работа неизменно доставалась Чэнь Фэнъину. Если же роль всё-таки уходила Лу Кэ, проект с треском проваливался в прокате. При этом никто не удосужился заметить: съёмочные группы, в которые Чэнь устраивал своего протеже, всегда отличались непревзойдённым профессионализмом и лояльностью.

Слив архивных снимков окончательно уничтожил репутацию покойного актера. Агентство поспешило умыть руки, выпустив заявление, что знать не знало о «подобных методах» Чэнь Фэнъина. В ответ на это его бывший менеджер, Мэн Цзяоцзяо, оставила под официальным постом компании яростный комментарий:

«Правда всё равно восторжествует. Небеса всё видят, а с меня хватит — я ухожу!»

Чэнь Фэнъин прекрасно помнил заветную мечту Цзяоцзяо — стать лучшим агентом в стране, чтобы любая звезда первой величины при встрече уважительно величала её «сестрой Цзяо». Что ж, раз он мёртв, пришла пора Линь Иню помочь ей подняться на эту вершину. А заодно доказать предателям: то, что принадлежит ему по праву, никто не посмеет отнять.

Он поднялся с дивана и направился в ванную. Из зеркала на него взглянул незнакомый юноша. Линь Иню было всего двадцать два года. Рост — метр восемьдесят восемь. Лицо — чистый холст для гениального актёра: выразительный разлёт бровей, бездонные, живые глаза, безупречно очерченный нос и идеальный изгиб губ. Стоило ему улыбнуться — и перед глазами

представал обаятельный соседский парень. Но стоило чуть прищуриться и высокомерно усмехнуться, как образ мгновенно менялся на властного, порочного искусителя. С такой внешностью и должным мастерством он мог бы с лёгкостью примерить на себя абсолютно любое амплуа.

Добавьте к этому рельефный пресс со знаменитым «поясом Адониса» и безупречные пропорции — просто идеальные вводные данные! И при всём этом богатстве парень умудрялся играть как деревянная кукла. Любое его движение на сцене казалось сухой калькой из учебников: даже в танце он двигался строго по схеме — технично, но невероятно скучно. С пением дела обстояли ещё хуже: у прежнего владельца тела напрочь отсутствовал музыкальный слух, о чём оставалось лишь искренне сожалеть.

В своей прошлой жизни Чэнь Фэнъин не имел за плечами престижного диплома. Всё, чего он достиг, приходилось постигать на ощупь. Начинал он обычным участником дешёвого шоу, два года бегал в массовке, подрабатывал за копейки промоутером и целых четыре года ждал своего часа на «скамейке запасных». Бывали времена, когда годового гонорара не хватало даже на аренду жилья и еду. Лишь в двадцать лет ему улыбнулась удача — он получил первую мало-мальски заметную роль второго плана, после чего агентство наконец-то обратило на него внимание. К тридцати пяти годам он стал Киноимператором. За этот статус он заплатил сполна, трудясь в сотни раз усерднее баловней судьбы. И как же нелепо оборвался этот триумфальный путь!

Зато теперь в распоряжении Чэнь Фэнъина было то, чего ему когда-то так не хватало: диплом престижного вуза с горой теоретических знаний и невероятно пластичная, податливая внешность. Сам Фэнъин в прошлом обладал благородными чертами лица, из-за чего режиссёры видели в нём исключительно положительных героев — хотя в глубине души он никогда не был святошей.

Вглядываясь в собственное отражение, Линь Ин глубоко вздохнул.

«Что ж... Это просто ещё один старт с нуля».

Потратив пару дней на то, чтобы освоиться в новом теле, Линь Ин наспех собрал дорожную сумку и отправился к месту проведения отборочного тура.

Проект, в котором ему предстояло участвовать, назывался «Новая звезда народа». Это грандиозное шоу талантов организовали три крупнейших медиагиганта страны. Конкурс был рассчитан на целый год. Пять сотен счастливиц, преодолевших сито предварительного отбора, должны были съехаться на тренировочную базу для съёмок и изнурительных тренировок. Каждый их шаг круглосуточно транслировался в прямом эфире, а имя победителя, который получит главный приз, определяли зрители путём голосования.

Программа испытаний охватывала все грани шоу-бизнеса — организаторы вознамерились вырастить универсальных артистов. Профессиональные судьи и наставники не просто оценивали выступления, но и давали бесценный шанс на обучение тем самородкам, которые

никогда раньше не сталкивались с изнанкой актёрского мастерства, но отчаянно верили в мечту.

Точкой сбора для Линь Иня назначили одну из площадей города С. Перед отъездом он успел сдать свою скромную комнатуху в субаренду — деваться было некуда, финансы пели романсы. На его банковском счёте сиротливо ютилась трёхзначная сумма. Линь Ин, как дитя мегаполиса, прекрасно понимал: без денег в современном мире и шагу не ступишь.

У края площади пассажиров уже поджидал роскошный двухпалубный автобус. Около дверей расположился куратор, сверявший документы. Линь Ин протянул своё приглашение. Мужчина мельком глянул на бланк и небрежно кивнул, разрешая пройти.

— Спасибо, учитель, — вежливо поблагодарил Линь Ин.

Открытая, сияющая улыбка в сочетании с дипломом хорошего вуза заставили куратора чуть дольше задержать на нём взгляд. Линь Ин знал, что кастинг уже начался: проверка участников шла полным ходом, ведь далеко не каждый кандидат мог распознать в обычном администраторе ведущего менеджера агентства «Процветающий век». Откуда это было известно Линь Иню? Всё просто: они пересекались в прошлой жизни. А для того, кто поднялся с самых низов до звания Киноимператора, феноменальная память на лица являлась вопросом профессионального выживания.

В салоне спального автобуса Линь Ин оказался пятым по счёту. Четверо его предшественников уже заняли нижние полки и были полностью поглощены своими делами, даже не повернув головы на вошедшего. Линь Ин ничуть не обиделся. Он прекрасно знал изнанку подобных шоу: скрытые камеры могли работать уже здесь, фиксируя каждую мелочь и оценивая поведение претендентов с первых секунд.

— Всем привет. Я Линь Ин, приехал из города С, — дружелюбно представился он.

Реакции не последовало. Линь Ин лишь сокрушённо пожал плечами, закинул дорожную сумку на верхнюю полку и, легко оперевшись о край яруса, одним плавным движением запрыгнул на своё место. Достав из кармана MP3-плеер, он вставил наушники. Вежливость он проявил, а навязываться дальше — значит лишь ронять собственное достоинство.

Каждому новому пассажиру Линь Ин дарил приветливую улыбку. Если человек проходил мимо с каменным лицом, юноша спокойно отворачивался; если же кивал в ответ — представлялся. До отправления, назначенного на половину десятого, он успел назвать своё имя не менее пятнадцати раз и получил тринадцать ответных приветствий. И только когда автобус отъехал уже на приличное расстояние от города, сидевшие внизу внезапно осознали, что имя дружелюбного парня с верхней полки намертво врезалось им в память.

Организаторы намеренно не установили чётких временных рамок для сбора, поэтому салон так и не заполнился до конца. К моменту старта в автобусе находилось всего двадцать шесть человек — больше половины мест пустовали. Было очевидно: те, кто опоздал к отправлению,

лишились своего шанса ещё до начала первого тура.

Стоило машине тронуться, как пассажиры с изумлением увидели, что проверявший документы куратор зашёл в салон и невозмутимо повесил на шею бейдж с надписью «Судья». Мужчина открыл свой планшет и принялся делать какие-то пометки напротив имён. У тех, кто проигнорировал его при посадке или вёл себя вызывающе, неприятно закололо под ложечкой.

— Стартовый балл каждого из вас равен нулю, — ледяным тоном произнёс он. — За правильные действия вы будете получать очки, за промахи — терять их. Лимитов нет ни сверху, ни снизу. Наша оценка составит сорок процентов от общего итога, мнение наставников — двадцать процентов, а оставшиеся сорок будут зависеть от зрительского голосования. Победит тот, кто наберёт максимальный балл по этой системе. Каждый месяц двое худших будут покидать проект. Те же, кто продержится до конца, даже не заняв первое место, получают контракт с ведущими агентствами. Но этот шанс вам придётся выгрызть зубами. Я ваш линейный судья, менеджер компании «Процветающий век» Тао Фэй. И я очень советую вам запомнить моё имя, потому что ваши имена я запоминать не собираюсь.

Договорив, Тао Фэй развернулся и устроился на переднем пассажирском сиденье рядом с водителем.

В салоне на короткое время воцарилась мёртвая тишина, но вскоре плотину прорвало, и поднялся невообразимый шум. Не прошло и десяти минут, как пассажиры разбились на обособленные группки. Больше всего народу сгруппировалось вокруг полки Линь Иня. Сказалось то, что он не просто со всеми поздоровался, но и успел запомнить имена большинства попутчиков. Имя — удивительный психологический якорь: стоит человеку услышать его из уст едва знакомого собеседника, как он на подсознательном уровне проникается к нему доверием.

Тао Фэй внимательно наблюдал за происходящим через зеркало заднего вида, то одобрительно кивая, то разочарованно качая головой.

Автобус выехал в половину десятого утра, а к первой остановке на обед прибыл ровно в двенадцать тридцать. Три часа в пути помогли ребятам сблизиться. По крайней мере, для Линь Иня поездка оказалась на редкость продуктивной: теперь решительно каждый в салоне — включая сурового водителя — знал этого улыбчивого, обаятельного парня.

<http://bllate.org/book/20457/2119568>